

РОЗДІЛ II. СОЦІАЛЬНИЙ КОНТЕКСТ РОЗВИТКУ ОСВІТИ: ТЕОРЕТИЧНИЙ ТА ПРИКЛАДНИЙ АСПЕКТИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Наумов Д.И.

Постсоветский этап исторического развития белорусского государства и общества характеризуется многоаспектными процессами, связанными с формированием различных измерений социальной идентичности и поиском прочных оснований социальных солидарностей в новых исторических условиях. В социокультурном плане дезинтеграция советской политической системы означала не только разрушение ее институциональной инфраструктуры, но и резкое ослабление прежних нормативных и аксиологических компонентов социально-политической жизни общества. В результате возникла проблема конструирования национальной идентичности в постсоветском белорусском обществе, которая включала в себя как содержательный, так и технологический аспекты. В первом случае речь идет о модели национальной идентичности, во втором – о способах и средствах ее конструирования. При этом данная модель обычно рассматривается в концептуальных рамках системы эпистемологических координат «примордиализм – конструктивизм», между полюсами которой имплицитно находится целый ряд теоретически самодостаточных направлений (социокультурный и социоэкономический

модернизм, этносимволизм, национально-политический ревайвализм, ориентализм и др.).

В современном социогуманитарном дискурсе категория «национальная идентичность» обычно рассматривается достаточно метафорически, эксплицируя самоотождествление индивида с определенной социокультурной средой, ее нормами и ценностями, проблемами и перспективами развития. Она показывает принадлежность человека к определенному государству или нации в культурном и политическом смысле, психологически определяемую независимо от гражданства индивида или иных формальных условий его жизнедеятельности. Однако Э. Смит в качестве конституирующего фактора национальной идентичности все же рассматривает гражданство, которое понимается как общие юридические права и обязанности для всех членов политически организованного сообщества [191]. Согласно Э. Смигу, национальная идентичность выступает как многомерный феномен, структурно включающий в себя следующие основные компоненты: историческая территория или родина; общие культурные мифы и исторические воспоминания; общая культура; общие юридические права и обязанности для всех членов; общая экономика рыночного типа. Фактически национальная идентичность придает определенный смысл существованию политического сообщества, конструируя систему аргументации на основе культурных смыслов, исторических фактов, политико-правовых институтов, общих ценностей и традиций.

Однако в условиях глобализации, нивелирующей как физические, так и культурные границы, формирование национальной идентичности стало проблематичным. В условиях глобального мироустройства возникла ситуация разнородности, динамичности и изменчивости маркеров национальной самоидентификации, в качестве которых теперь выступают как

традиционные социальные феномены (этническое происхождение, историко-культурная традиция, родной язык, конфессиональная принадлежность и т.д.), так и социокультурные продукты глобализации (образ нации в мире, влияние страны на мировой арене, имидж государства и т.д.). Это позволило Н.Н. Федотовой выдвинуть и обосновать процессуальную теорию идентичности, утверждающей нелинейной принцип динамики идентичности и вариативность идентификационных процессов в условиях глобализации [137]. Согласно этой теории, подобная природа идентичности обуславливает создание континуума коллективных значений и смыслов, базирующихся на коллективной и исторической памяти, который обеспечивает их непрерывную объективацию как на индивидуальном, так и на групповом уровнях.

В технологическом аспекте актуализируется вопрос о способах и средствах конструирования национальной идентичности, что обусловлено задачами внутренней политики. Ведь в условиях глобализации любое государство, заинтересованное в сохранении собственного суверенитета, должно создавать все условия для социально-политической консолидации общества на основе общих ценностей, культурно-исторической традиции и легитимных политических институтов. Средством для достижения данных целей выступает историческая политика, которую А.И. Миллер рассматривает в качестве составного элемента политики памяти, включающего в себя всю сферу публичных стратегий различных акторов в отношении прошлого, нацеленных на формирование и воспроизводство коллективных идентичностей [97]. Соответственно, актуальность обращения к проблематике конструирования и практического применения исторической политики в качестве инструмента конструирования национальной идентичности в постсоветском белорусском

обществе обусловлена рядом причин теоретического и прикладного характера.

В эпистемологическом аспекте существует необходимость выявления функциональной роли исторической политики в социокультурном конструировании наций, обеспечении их политической консолидации на основе общего историко-культурного базиса. Это актуализирует важность создания и воспроизводства телеологически ориентированных исторических мифов и нарративов, которые обеспечивают эмоциональную и аксиологическую включенность индивида в процесс политической идентификации с национально оформленным сообществом, психологически воспринимаемым как самоценность. Однако следствием глобализации является «сокращение роли национальной памяти, упрощение исторической канвы развития социумов, усиление унификационных исторических сюжетов для максимально больших сообществ» [101], в результате чего их влияние на общественное и индивидуальное сознание не только снижается, но и становится амбивалентным. Происходящее под влиянием глобализации постепенное этнокультурное нивелирование общества для новых независимых государств является серьезным вызовом в плане как формирования, так и сохранения национальной идентичности населения. Политические элиты постсоветских стран, чтобы не ввязываться в интеллектуально насыщенные дебаты по историографической тематике, искусственно редуцируют исторический процесс к колониальной проблематике. Именно поэтому В.А. Ачкасов для характеристики исторической политики постсоветских стран, которой присуща «крайне негативная интерпретация практически всей истории имперской России и СССР» [21], использует термин «синдром виктимизации». Он объясняет как позитивное отношение к дезинтеграции СССР, так и тот факт,

почему ««образ трагического героя», освободившегося от имперского ига и угнетения ценой огромных жертв и выстрадавшего свое право на свободу и демократию» [21], играет центральную роль в конституировании постсоветских наций. В итоге, в постсоветских странах «отношения с собственной историей остаются непроясненными, в них слишком часто угрожающе вмешивается политическая повестка дня» [46], превращая историческую политику в инструмент конъюнктурных идеологических баталий.

Одновременно существует необходимость терминологического разграничения исторической политики с другими феноменами, ориентированными на инструментализацию социальной памяти и исторических фактов в политических, идеологических или экономических целях (например, «символическая политика», «политика памяти», «войны памяти» и др.). Если под «исторической политикой» традиционно понимается сознательное и целенаправленное использование истории в политическом процессе в качестве инструмента политической борьбы, то «политика памяти» определяется как «совокупность действий, направленных на формирование и воспроизводство идентичностей, в первую очередь, национальной идентичности» [21]. Различие между ними, как считает польский исследователь Марек Корнат, заключается в том, что историческая политика изначально ориентирована на социоинженерные манипуляции с социальной памятью и историографией, навязывая обществу определенную интерпретацию исторических событий, в то время как политика памяти «не предполагает того, что политика управляет наукой» [111]. С точки зрения экспертов, функционально политика памяти, ориентированная на общество в целом, должна содействовать поддержанию среди граждан страны «необходимого уровня осознания совместного прошлого» [111].

В политологическом аспекте актуальным является выявление роли исторической политики в конструировании этнократий, сущностная черта которых «заключается в признании фундаментом государства этнонационального фактора» [136]. Для политических элит абсолютизация этнического принципа конструирования нации-государства создает проблемы с идеологической легитимацией режима, претендующего на статус демократического. На постсоветском пространстве в качестве варианта решения проблемы предложен постколониальный дискурс, постулирующий в качестве базовой схемы интерпретации истории миф об избавлении от имперского господства и национального угнетения. В итоге реализация европейского интеграционного проекта «становится своеобразным мифополитическим обрядом перехода, благодаря которому «его субъект утрачивает прежнюю, негативную (имперско-советскую), идентичность и приобретает новую, позитивную (национальную), превращаясь, как воображается, в равноправного и давно ожидаемого жильца «европейского дома». В этой условной схеме «Европа» и «Запад» являются не географическими, а идеологическими топосами, с ясно читаемым ценностным содержанием» [21].

Апелляция как к общеевропейскому проекту, так и к исторической политике обусловлена необходимостью для ряда постсоветских стран, для которых характерна ситуация неурегулированного гражданского или этнического конфликта (например, Азербайджана, Грузии, Молдовы и др.), выхода из вооруженного противостояния посредством установления конвенциональной картины исторического прошлого. Ведь в этих странах наблюдается ситуация масштабного социально-психологического кризиса, обусловленного невозможностью бесконфликтного формирования коллективных идентичностей из-за многочисленных исторических и культурных травм,

фрагментирующих и фрустрирующих социальную память [51]. Подобная ситуация в разной степени выраженности характерна для большинства бывших коммунистических режимов советского блока, где для выхода из этой ситуации используется «целый ряд приемов для достижения этих целей: судопроизводство, комиссии по установлению истины, законы о люстрации и скрининге, репарации, публичные извинения, формирование общего видения истории» [15]. При этом политически ангажированный процесс искусственного формирования новой коллективной идентичности политическими элитами идеологически интерпретируется как процесс исторического осознания, который «проходит одновременно с более широким процессом, который знаменуется открытием архивов, переписыванием учебников по истории, сооружением мемориалов и мемориальных музеев и учреждением дней памяти» [15].

В социально-психологическом аспекте историческая политика является инструментом преодоления культурных и исторических травм, что в полной мере продемонстрировала на практике послевоенная история европейской интеграции. Так, Европейский Союз можно рассматривать в качестве продукта общей исторической политики, посредством которой был переосмыслен трагический опыт второй мировой войны и нацистской оккупации стран Западной и Центральной Европы. Прежде всего, историческая политика, направленная на преодоление наследия различных версий тоталитаризма и гражданской войны, была востребована в тех странах, где в послевоенный период наблюдался глубокий политико-культурный раскол общества (Австрия, ФРГ, Греция, Испания, Португалия, Франция и др.), проходивший как между поколениями, так и между социальными и этническими группами. С точки зрения Д.О. Рябова, правомерно говорить о

следующих основных направлениях общеевропейской исторической политики: создание позитивной общеевропейской идентичности; достижение общеевропейского единства за счет ослабления внутренних символических границ (национальных, конфессиональных и т.д.); создание негативной идентичности посредством проведения прочной и легитимной символической границы между «своими» и «чужими» [119]. Однако платой за проведение подобной исторической политики стало размывание локальных идентичностей, определяющих социокультурную специфику стран региона.

Таким образом, феномен исторической политики акцентируют ее роль как механизма конструирования нации и легитимации создаваемых ею политических институтов, осуществляемых посредством деятельности специальных институций (научных, образовательных, экспертных и т.д.). Этот аспект актуализирует целесообразность теоретической реконструкции исторической политики посредством системного подхода, ориентированной на выявление институциональных и социокультурных аспектов конструирования национальной идентичности средствами исторической политики в современной Беларуси. Соответственно, данная статья посвящена выявлению роли исторической политики в конструировании политической идентичности индивидов в условиях постсоветского белорусского социума в контексте методологических принципов социально-философского исследования.

Феномен исторической политики является продуктом противоречивого развития современного общества, в котором постоянно происходит смешение политических, экономических и социокультурных процессов. Это определяет как множество теоретических интерпретаций исторической политики, так и существенное различие между исследователями в понимании ее функциональной роли в современном обществе. В данном случае

проиллюстрировать данный тезис необходимо посредством обращения к истории появления данного концепта и его дальнейшей теоретической разработке в рамках немецкого исторического и политологического дискурсов.

Впервые термин «историческая политика» («Geschichtspolitik») был использован 8 октября 1986 г. Кристианом Мейером в своем публичном выступлении на 36-й встрече немецких историков в г. Трире (ФРГ), посвященной проблематике изучения и оценки нацистских преступлений [181]. Введение в научный оборот данного термина отвечало политической повестке дня, которую сформировал в начале 1980-х гг. канцлер ФРГ Гельмут Коль, историк по образованию, провозгласивший политику «морально-политического поворота». В профессиональной среде немецких историков данная политика стала одним из источников острой полемики, получившей название «спор историков» («Historikerstreit»), предметом которой стала фактическая ревизия некоторых ключевых трактовок исторического прошлого Германии. В этом социально-политическом и профессиональном контексте Кристиан Мейер фактически постулировал то, что историческая политика служит нормативной основой для утверждения моральных оценок исторических фактов и персонажей. Преимущественно нормативное, а не аналитическое понимание исторической политики, эксплицировалось в виде ее основной задачи по мобилизации немецкой общественности вокруг политических сил посредством определенным образом конструируемого исторического дискурса.

В дальнейшем нормативная трактовка исторической политики в немецком политологическом дискурсе получила свое развитие, когда к ее базовым задачам были добавлены функции легитимации демократических ценностей и формирование гражданской политической культуры. Так, современный

немецкий исследователь Эдгар Вольфрум считает, что историческая политика выступает как форма общественной рефлексии исторического процесса, которая в демократическом обществе носит открытый и состязательный характер [197]. В условиях ФРГ историческая политика стала инструментом гражданской социализации немецкой молодежи и средством укрепления демократических институтов и практик в стране [198]. Следует отметить, что после воссоединения Германии функциональная нагрузка на историческую политику существенно возросла, добавив направление работы с историей ГДР в виде создания земельных центров и фондов, нацеленных на изучение наследия социалистического режима (в первую очередь, политических репрессий, деятельности спецслужб ГДР и т.д.). В новейшей немецкой социально-политической практике историческая политика не только занимается созданием определенных конструкторов (политических традиций, гражданской идентичности и т.д.), но и ориентирует индивидов, группы и общество на продуктивную гражданскую деятельность как здесь и сейчас, так и в будущем. Она предоставляет немецкому обществу возможность формирования необходимой мотивации для волевых действий и создания конкретных планов развития в проективном плане путем обращения к его жизнеспособным историко-культурным традициям. При этом Эдгар Вольфрум подчеркивает, что в данном случае особое значение имеет инструментализация исторического процесса и определение тех механизмов, с помощью которых его отдельные компоненты становятся политически актуальными [197]. В результате в расширенном варианте под исторической политикой может пониматься любая социальная деятельность, предметом которой являются символические манипуляции с историей, предпринимаемые с целью конструирования коллективных идентичностей и их легитимации. При этом сама историческая

политика является процессом, протекающим в публичном пространстве, где основными акторами выступают не только элиты, но и общественность со средствами массовой информации, борющиеся между собой как за установление определенных дискурсов и моделей интерпретации, так и режимов исчезновения и забвения определенных исторических фактов и акторов [197].

Следует отметить эвристичность и теоретическую продуктивность идей Эдгара Вольфрума, последователи которого сконцентрировали свое внимание на вопросах трансформации исторической политики в условиях глобализации (Хорст-Альфред Генрих, Роберт фон Фриденбург, Биргит Швеллинг, Клаудиа Ленц, Клаудиа Фрёлх и т.д.). В данном случае речь идет о роли политических акторов в интерпретации истории, о статусе реципиентов исторической политики, о механизмах интерпретации определенных событий прошлого с актуальной политической точки зрения настоящего [173]. На новом этапе исторического развития немецкого общества историческая политика не ограничивается пространством публичного дискурса, а уже выступает как общая концепция, объясняющая политические действия, намерения и интересы политических акторов, конструирование вариантов развития общества в целом. Как считает Клаудиа Ленц, она формирует эпистемологическую рамку, которая направлена на объяснение взаимодействия между дискурсами прошлого, культурными практиками и формированием коллективной идентичности, с одной стороны, и борьбой за власть и интеллектуальное влияние, установлением политико-культурной гегемонии, с другой [173]. В рамках политологического исследования настоящего, согласно Ленц, нельзя обойтись без анализа политических и политизирующих измерений дискурсов исторического прошлого. Немецкий исследователь утверждает, что в каждом

обществе существует базовое повествование, представляющее собой доминирующую версию истории, которая определяет структуру культуры памяти народа. Культура памяти на уровне индивидуального и коллективного познания проявляет себя как компонент воспроизводства и передачи исторического знания, на уровне политического процесса – как нормативная основа политических и правовых интерпретаций истории, на эстетическом уровне – как стиль визуального, художественное воспроизведения исторического прошлого в массовой и элитарной культуре.

В дальнейшем эти идеи получили свое развитие в серии публикаций Рабочей группы по политике и истории Немецкой ассоциации политических наук (DVPW). Так, рассмотрение исторической политики в контексте теоретических традиций социальных наук привели к расширению исследовательского поля не столько по предметным рамкам, сколько по установкам на эпистемологическую саморефлексию [177]. На авансцену вышли вопросы, касающиеся условий и параметров интерпретации исторического прошлого политическими акторами, взаимосвязи легитимации и делегитимации в контексте апелляций к истории, определения эвристического потенциала системного подхода, теорий рационального выбора и социальной идентичности в контексте исследования исторической политики в современных условиях. Интересный пример теоретического обоснования истории как элемента политического действия продемонстрировал Мануэль Беккер, который на интересном и актуальном эмпирическом материале («Берлинская республика») провел сравнительное исследование целого комплекса подходов к данному феномену (научно-объективного, исторического, политологического подходов, а также концепций из области социальных наук). Все это позволило Беккеру определить эпистемологические

возможности исторической политики в исследованиях социетальной трансформации [163].

Расширение Европейского Союза, которое привело к вхождению в его состав ряда посткоммунистических стран Восточной и Центральной Европы, актуализировало роль исторической политики как инструмента формирования общеевропейской идентичности. Именно поэтому в центр междисциплинарного исследовательского внимания попали вопросы конструирования политических и моральных рамок интерпретаций прошлого различными акторами (от политиков, предпринимателей до экспертов и деятелей различных конфессий), взаимодействия дискурсов памяти как в рамках национальных обществ, так и всего европейского пространства, определения и блокирования деструктивного потенциала «войн памяти» между европейскими национальными государствами и европейскими институтами, проблематика фальсификации истории [174; 201]. Неудивительно, что наибольший исследовательский интерес вызвали страны с наиболее богатой в плане участия в различных конфликтах национальной историей – Германия, Франция и Польша. Однако изучение различных аспектов исторической политики, формально реализуемых в рамках национальных государств, показала изменение ее масштабов и превращение в транснациональный феномен. Несмотря на то, что нация по-прежнему функционирует как первичное сообщество коллективной памяти, появление в условиях глобализации новых социальных сообществ привело к усложнению социокультурной жизни европейского общества и фрагментированию коллективной памяти. Это обуславливает возможность злоупотребления как исторической политикой, так и политикой памяти в целях обеспечения большей социально-политической интеграции общества посредством установления нормативных правовых ограничений на производство и

трансляцию в публичном пространстве исторических нарративов и коммеморативных практик.

В рамках постсоветского социогуманитарного дискурса по проблематике исторической политики, на развитие которого существенное влияние оказал немецкий опыт рефлексии новейшей истории, можно говорить о нескольких базовых трактовках данного феномена.

В рамках инструментальной трактовки историческая политика рассматривается как намеренная деятельность государства, направленная на укрепление в общественном сознании определенного взгляда на прошлое и формирование позитивного имиджа народа и государства. Данная задача реализуется посредством активизации соответствующего публичного дискурса, поддерживаемого как элитами, так и экспертным сообществом. Как целью, так и содержанием данного дискурса является трактовка истории в патриотическом ракурсе, когда она интерпретируется «как история становления и формирования нации и ее достижений в политическом, экономическом, культурном развитии» [101]. Однако в постсоветских странах «как во внутригосударственных, так и в международных отношениях, историческая политика стала инструментом, к которому правительства прибегают для того, чтобы создать не только позитивный образ власти и государства, которым они управляют, но и образы страны / стран-конкурентов и политических противников, как правило, негативные» [21]. В результате историческая политика превращается в инструмент политической мобилизации населения на основе мифологем и идеологических конструктов, слабо связанных с реальными историческими фактами и персонажами.

С точки зрения моральных интерпретаций исторической политики данный феномен рассматривается как нравственная рефлексия исторического процесса, субъектами которой в

большей степени являются индивиды, сообщества и гражданское общество, чем государство. Функционально историческая политика призвана обеспечить формирование неконфликтной картины прошлого и социальное единство общества, сформировать гражданскую культуру. Как полагает Алейда Ассман, историческую политику можно рассматривать как современную форму историографии, выполняющей следующие три функции – героизации, просветительства и этизации, сопряженной с совестью, ответственностью и свидетельствованием очевидцев [19]. Фактически в качестве обязательных требований к конституированию исторической политики немецкая исследовательница устанавливает следующие нормы: различение субъективных индивидуальных воспоминаний и объективных аргументов; запрет на моральное оправдание одной вины за счет признания другой вины (моральная делегитимация концепции «двойного геноцида»); запрет на конкуренцию между жертвами с целью минимизации вины каких-либо групп (например, коллаборантов или религиозных сектантов); приоритет инклюзивности индивидуальных воспоминаний перед письменными источниками; преодоление разделяющих общество воспоминаний и исторических обид; контекстуализация как способность включать пережитое и актуализированное в более широкий исторический контекст; совместная выработка идентификационных и ценностных рамок коллективных идентичностей [19]. Такая трактовка исторической политики актуализирует в социальном пространстве солидарную модель патриотизма и элиминирует моральный релятивизм как гносеологическую позицию. Одновременно она актуализирует примордиалистский конструкт этногенеза, устанавливающий эксклюзивное право автохтонного этноса на владение определенной территорией и свою национальную культуру,

воспринимаемую как эталонную для всех. В результате актуализируется проблема исторической правды, а сама историческая политика становится объектом критики из-за намеренного искажения и фальсификации исторического прошлого посредством его ритуализации и игнорирования исторического контекста.

Политико-институциональная трактовка исторической политики сфокусирована на доминирующей роли государства (намного реже – политических партий и общественных движений) в сохранении коллективных представлений об историческом прошлом, как неотъемлемом компоненте национальной идентичности. Соответственно, основная цель исторической политики – создание таких конструкторов, как политические и гражданские традиции, этнонациональная и гражданская идентичности, а также обеспечение легитимности определенных политических акторов и институтов. Средствами практической реализации подобной политики в государстве являются различные дидактические инструменты (учебные планы и программы, учебники и учебные пособия, атласы и карты), государственные праздники, топонимика, а также медийная продукция, транслируемая в средствах массовой коммуникации. Развитие такой политики ведет к конструированию глобальной памяти, социальной базой которой выступает мировое гражданское общество, отрицающее национальный партикуляризм и этноцентризм [84].

В теоретическом аспекте конструирование политической идентичности индивидов средствами исторической политики в условиях постсоветского белорусского социума, если актуализировать доминирующую роль государства в данном процессе, можно рассматривать в контексте реализации модели плебисцитарного национализма. Согласно Э. Яну, формирование политической идентичности можно рассматривать в системе

координат «эксклюзивный этнонационализм – плебисцитарный национализм», где полюса объективируют существенные различия в принципах и условиях политической социализации индивидов [161]. Модель эксклюзивного этнонационализма в примордиалистском ключе рассматривает характерные этнические черты индивидов, приобретенные ими либо при рождении (родовой национализм), либо при социализации в раннем детстве (языковой национализм). Соответственно, этническое происхождение индивида в плане определения социального статуса абсолютизируется, а возможности ассимиляционных практик в принципе минимизируются. В свою очередь, плебисцитарный национализм подразумевает право индивида как на аккультурацию посредством принятия культурно-языковых, политических, конфессиональных установок доминирующего этноса в полиэтническом обществе, так и на отказ от аккультурации и сохранение своей принадлежности к другой этнической группе.

В социально-технологическом аспекте, акцентирующем внимание на формировании и реализации исторической политики как инструмента конструирования национальной идентичности, современная Беларусь отличается определенной спецификой, выделяющей страну на постсоветском пространстве. Следует подчеркнуть, что основную роль в формировании исторической политики играет государство, которое определяет идеологические рамки конвенциональной картины истории формирования белорусской нации, развития и укрепления государственности, экономики и культуры. Данная картина истории является основанием для создания учебных программ, учебников и учебных пособий по истории Беларуси и всемирной истории. Естественно, это узкая трактовка содержания исторической политики, которая акцентирует только её дидактические и учебно-методические аспекты.

В работе по созданию конвенциональной картины белорусской истории ключевую роль играет Институт истории НАН Беларуси, который отвечает за организацию научных исследований социально-экономического, общественно-политического, государственного, национального, культурного развития Беларуси, а также за практическую реализацию их результатов. В активе данного института находится такой фундаментальный проект, как «История белорусской государственности» (в 5 томах), в котором от эпохи первых протогосударственных образований восточных славян (племенных княжений) и вплоть до современности представлена панорама становления и развития национальной государственности, показаны наиболее значимые преобразования в области государственного строительства, экономики и жизнеустройства белорусского общества [63; 64; 65; 66; 67].

Второй ключевой организацией в деле формирования исторической политики страны является Министерство образования Республики Беларусь, отвечающее за выработку основных направлений развития и совершенствования качества исторического образования, а также за подготовку, выпуск и порядок использования в рамках образовательного процесса учебных изданий по истории Беларуси и всемирной истории. Именно учебники и учебные пособия, обычно создаваемые профессорско-преподавательским составом учреждений высшего образования совместно учителями-предметниками, являются важнейшими инструментами исторической политики, в значительной степени определяющими качество гражданской и политической социализации детей и молодежи. В меньшей степени за содержание и практическую реализацию исторической политики отвечают некоторые министерства, а также рай-, гор- и облисполкомы, которые в рамках своих

компетенций обеспечивают поддержание материальной инфраструктуры исторической политики.

Определенную роль в формировании и реализации исторической политики, преимущественно в форме коммеморации, в стране играют различные негосударственные акторы (церковь, политические партии, общественные движения и т.д.). Так, среди конфессиональных организаций определенные шаги по разработке собственной исторической политики в меньшей степени реализуют Римско-католическая церковь и протестантские религиозные организации, в большей степени – Белорусская православная церковь. Однако такая деятельность негосударственных акторов практически не выходит за рамки соответствующего сообщества, не влияет на общественное сознание и редко получает широкое медийное освещение.

В контексте конструирования политической идентичности наиболее весомое значение имеют такие знаковые с точки зрения формирования и реализации дидактическими средствами исторической политики издания, как «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)», «Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне», «Беларусь партизанская. Иллюстрированная энциклопедия партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны» и «Созвездие героев земли белорусской». Именно Победа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. играет роль большого нарратива, сакрализирующего героизм, жертвенность и моральное единство народа в борьбе с внешним врагом. Он актуализирует логику развития белорусской государственности и фундаментальную ценность государственного суверенитета страны, определяет способы конституирования политико-национального дискурса и формы коммеморации прошлого, направления развития исторических исследований и исторического образования. В

целом, в современном белорусском обществе формирование и реализация государственной исторической политики происходит на системной основе, результатом чего является формирование достаточно гомогенной культуры памяти. Все это обеспечивает высокую эффективность государственной исторической политики, что социологически подтверждается высокой значимостью как Великой Победы, так и ценностью государственного суверенитета в аксиосфере общества, а также общественным консенсусом в отношении выбора наиболее значимых событий прошлого в истории страны.

Таким образом, в современном белорусском обществе формирование исторической политики происходит на системной основе, результатом чего является формирование достаточно гомогенной культуры памяти, как социально-психологической основы политической идентичности индивидов. Ключевую роль в данном процессе играют институционализированные акторы, научное и педагогическое сообщество, создающие конвенциональную трактовку прошлого с опорой на исторические факты и методологически выверенные оценки исторических событий и персонажей. При этом альтернативные версии исторической политики, нацеленные на создание идеологически ангажированной картины истории формирования белорусской нации, развития и укрепления государственности, в обществе широкой поддержки не получают. Все это обеспечивает высокую эффективность исторической политики, что социологически подтверждается высокой значимостью ценности государственного суверенитета в аксиосфере общества, а также консенсусом в отношении выбора наиболее значимых событий прошлого в истории страны. Однако подобная ситуация обладает серьезным конфликтотенциалом, так как не учитывает темпы и направления социокультурной динамики человечества в условиях глобализации.